

Образы достойного будущего как фактор позитивной социализации детей и подростков: идея модернизации¹

Аннотация. Рубеж XX–XXI вв. стал временем осознания значимости роли культуры в социальной, политической, экономической, образовательной жизни. В постнеклассической эпистемологии на передний план анализа вышли культурные факторы и постматериалистические ценности, связанные с самоосуществлением человека, ориентацией в деятельности не на прагматизм, а на достоинство и самоценность творчества. Данная статья продолжает серию публикаций о феномене культуры в качестве многомерной и многослойной реальности; о неочевидной, но приоритетной значимости идеи культуры и культурно-психологического анализа в образовательной политике; о роли культурных образцов и образов достойного будущего в позитивной социализации современных детей и подростков. В рамках предложенного контекста также обсуждаются идеи модернизации, множественных модерностей и гуманизации образования. В фокусе данной статьи – идея модернизации.

Ключевые слова: методология, культурно-аналитический подход, антропологический поворот, постматериалистические ценности, идея культуры, культурная травма, модернизация образования.

Рубеж XX–XXI вв. принес в миры образования, психологии и социогуманитарных наук тренды антропологического поворота, истории повседневности, эпистемологические дискуссии интеллектуалов, служащие лабораторией новых ценностей, смыслов и образов культуры. Как отмечалось в предыдущей статье (Гусельцева, 2015), образы достойного будущего, ценностная насыщенность социокультурной среды, адекватные стили воспитания являются значимыми поддерживающими факторами позитивной социализации детей и подростков. Важную роль здесь играют проблематизации образов конструктивного будущего и критические идеи, ведущие к переосмыслению

модернизации в оптике культуры, а также концепции множественных модерностей (multiple modernities).

Наряду с идеями о непрекращающемся на протяжении всей жизни развитии личности и значимости непрерывного образования, в наше представление о реальности вошли идеи модернизации как потока непрестанных изменений, осмысление возрастающей сложности, неопределенности и разнообразия мира, толерантности как цивилизационной нормы (Асмолов, 2012). Другим важным аспектом выступила трактовка модернизации как многомерного процесса, поддерживающего вариативность культуры и стилей жизни; понимание, что движение к постиндустриальному обществу осуществляется разными путями. В качестве отрефлексируемой практики

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 14-18-00598 «Закономерности и механизмы позитивной социализации современных детей и подростков».

и программы социальных действий идея модернизация появилась на исторической арене в Новое время.

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК МНОГОМЕРНАЯ КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Новое время в европейской культуре ассоциировано с эпохой цивилизационной модернизации. Под модернизацией в истории культуры понимают переход от традиционного общества к обществу индустриальному. Следует заметить, что модернизация – онтологически сложный процесс, охватывающий разные слои социокультурной, культурно-исторической и культурно-психологической жизни. В экономическом плане модернизация воплощается в *индустриализации* (формирование машинного производства и культуры конвейерного типа). Но это лишь одна ее грань. В социальном плане модернизация означает *урбанизацию* – рост городов, переход от аграрного образа жизни к индустриальному. В политическом плане модернизация связана с развитием демократических институтов, появлением гражданского общества и концепций правового государства. В духовном ракурсе модернизация предполагает *секуляризацию* – дифференциацию религиозных и светских сфер жизни, отделение церкви от государства, возрастающую роль образования как института социализации. В культурно-психологической и методологической трактовке модернизация означает трансформацию менталитета: **переход от оптики стабильности к оптике инноваций** (см.: Там же).

Есть и особый педагогический план модернизации. Он связан с появлением системы образования, основанной на принципах рациональности, универсальности и репрезентативности. Здесь мы встречаем ряд программ, определивших образовательную политику Нового времени и эпохи Просвещения, – Я.А. Коменского (идеал универсализации и демократизации образования); Ж.-Ж. Руссо (идеал индивидуализации образования); В. Гумбольдта (идеал гуманизации и вариативности образования); Ф. Шлейермахера (идея воспитывающей действительности) (подробнее см.: Вульф, 2012). Важно отметить, что в работе «Идеи к опыту определения границ

деятельности государства» (1792) В. Гумбольдт перевернул дискурс взаимоотношений личности и власти: *цель государства – не оно само, а развитие человека*; последнее же требует не только самоограничения роли государства и поддержки разнообразия общественной жизни, но и модернизации образования: «общественное развитие зависит от образования отдельных членов общества так же, как и их образование зависит от пространства для развития, отведенного для них государством. <...> Обязанностью государства является обеспечение для этого условий. Самоопределение индивидов является их задачей» (Там же, с. 78).

Модернизационный рывок европейская культура совершила в эпоху Просвещения, соединившую *гуманизм* Возрождения и *рационализм* Нового времени. Историки культуры отмечают национальную самобытность просветительского движения. «Просвещение – необходимая ступень в культурном развитии любой страны, расставшейся с феодальным образом жизни» (Гулыга, 1975, с. 7). Основные идеи Просвещения связаны с привитием народу культуры, облагораживанием нравов посредством знания. Ученых-гуманистов этой эпохи объединяли умонастроение с отрешенными ценностями свободы, веротерпимости, общего блага, соблюдения закона, единого для всех, а также вольнодумство и критическое отношение к авторитетам. **Современные концепции прав человека, гражданского общества, плюрализма и демократии, правового государства, разделения властей, этики индивидуализма берут свои истоки в эпохе Просвещения.** При этом «Просвещение не привязано к определенной хронологии. Распад феодальных отношений происходил в разное время» (Там же).

Так, в Англии, где в данную эпоху уже произошла буржуазная революция (English Civil War – XVII в.), абсолютная власть короля была ограничена конституцией, возникли парламентаризм и гражданские свободы. Деятели Просвещения не занимались теоретическими спекуляциями, а активно участвовали в политической жизни (граф Э. Шефтсбери стал членом парламента, а Г. Болингброк – министром). Здесь не было ни религиозных войн, ни

об авторе

М.С. Гусельцева, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО, ведущий научный сотрудник ФИРО, кандидат психологических наук

радикализации протеста, просветители свободно излагали идеи в философских трактатах, участвовали в развитии изящной словесности. Дж. Локк создал политическую концепцию гражданского общества (в основе которого лежит общественный договор): **законы равны для всех, а гарантией от превышения властью (государством) своих полномочий является конституционный механизм разделения властей – законодательная, исполнительная и федеративная.** Важно отметить, что передовые идеи Дж. Локка выступили основой для конституционного устройства Англии¹. В этой стране реально возникла религиозная терпимость, гарантировались гражданские права и свободы, неприкосновенность собственности. Эмпирическая интеллектуальная традиция воплотилась в повышенном внимании к повседневной и частной жизни; расцвела утилитарная этика, поддерживающая ценности предприимчивости, изобретательности и практицизма. Даже такой тоталитарно мыслящий ученый, как Т. Гоббс, разделял этику разумного эгоизма. «Пороки частных лиц – блага для общества», – писал Бернард де Мандевиль (Мандевиль, 2000). Обсуждались способы социализации эгоистического и индивидуалистического поведения, позволяющие направить его в полезное для общества русло научного и художественного творчества; элита рефлексировала необходимость приобщения низших слоев к гражданским ценностям. Среди таких ценностей значимыми сделались солидарность, взаимопомощь, сотрудничество, возникла мода на клубы, выработывался кодекс чести и правил поведения человека в обществе. Усвоенные всем обществом гражданские ценности и разработанная в трудах Г. Болингброка этика компромисса дали Англии импульс интенсивного цивилизационного и стабильного развития.

Просвещение в Шотландии шло под лозунгом борьбы за независимость. Именуемый «отцом шотландского просвещения» философ **Эндрю Флетчер** (1655–1716) развивал идеи гражданской этики и добровольной службы процветанию отечества, обосновывал

«иные, альтернативные войне и политике, методы исполнения гражданами своего долга перед отечеством» (см.: История Шотландии...). **Давид Юм** (1711–1776) писал трактаты о гражданственности как добродетели и о благе служения людям. Выработывались политические идеи (подтвержденные впоследствии универсальными законами развития: разнообразие обеспечивает устойчивость) о том, что общество, не поддерживающее разнообразие и не уважающее индивидуальные различия, не может стабильно развиваться, однако и гражданин несет ответственность заботы о благополучии общества. **Адам Смит** (1723–1790) подчеркивал, что рынок освободил человека от установок феодального сознания: именно товарно-денежные отношения воспитывают в людях чувство справедливости и навыки цивилизованного общения. Социокультурный смысл свободного рынка есть социализация индивидуалистически настроенного гражданина. Отстаивая собственные интересы, человек лучше служит интересам общества. Такого рода идеи поддерживали престиж хозяйственной деятельности, что шло на пользу как общественному развитию, так и развитию личности социально деятельного человека.

Французское просветительское движение в сравнении с британским (английским и шотландским) являло собой разительный контраст. Эпоха Просвещения в качестве культурно-психологической реальности во Франции настала, а буржуазная революция как реальность культурно-историческая и социально-политическая не произошла (она случится лишь в конце XVIII в.). Если английские просветители активно участвовали в законодательной деятельности и политической жизни, то французских деятелей Просвещения называли «отщепенцами» и преследовали за убеждения. Официальная власть способствовала их психологической радикализации. Так, например, роль Энциклопедии в подготовке французской революции современные исследователи сравнивают с участием Интернета в движениях «арабской весны» (Соломеин, 2003).

¹ Согласно Дж. Локку, государство – орган, который создается людьми посредством общественного договора для охраны их прав, к последним относятся: свобода, равенство перед законом, неприкосновенность личности и собственности.

Таким образом, во Франции просветители не имели официального признания в обществе. Их отличали политический радикализм, склонность к мессианским идеям. С одной стороны, они преследовались цензурой, с другой – создавали теоретические утопии. Французские просветители, в отличие от британских, оказались в конфликтных отношениях как с государством, так и с церковью. Если Вольтер отличался атеистическим радикализмом («раздавите гадину!» – призывал он защитить умы от насаждения религиозного мракобесия), то Ж.-Ж. Руссо – социогенетическим экстремизмом, развивая идеи о полном подчинении жизни личности общественному благу. Однако, несмотря на обличение деспотизма, в его учении обнаруживаются истоки не столько либерализма, сколько социализма и коммунизма.

В свою очередь, просветительское движение в Германии развивалось довольно противоречиво, в сочетании централизации и децентрализации, авторитаризма и автономии: с одной стороны, шла интенсивная культурная жизнь провинций, с другой – активным участником просветительского движения выступал король Фридрих Великий; социальная энергия Просвещения воплотилась в реформах образования (сеть начальных школ, система профессионального обучения), при этом Просвещение в Германии носило теоретический характер, а его политические проекты остались не реализованы. Важную роль здесь играли идеи гуманизма, самостроительства и возвышения человека. В. Гумбольдт явился идеологом реформы гимназического образования и основателем Берлинского университета. И. Кант сформулировал концепцию правового государства и смысл Просвещения как культурно-психологической зрелости человека². И. Гердер обосновал единство человечества и стремление к гуманизму как идеал прогресса. Г. Лессинг создал учение о воспитывающей роли искусства. В эпоху Просвещения возникли ведущие концепции развития человека: *идеал естественной природы человека*, который на основе врожденной рациональности стремится к познанию, свободе

Основные идеи Просвещения связаны с призывом народу культуры, облагораживанием нравов посредством знания. Ученых-гуманистов этой эпохи объединяли умонастроение с отрефлексированными ценностями свободы, веротерпимости, общего блага, соблюдения закона, единого для всех, а также вольнодумство и критическое отношение к авторитетам. Современные концепции прав человека, гражданского общества, плюрализма и демократии, правового государства, разделения властей, этики индивидуализма берут свои истоки в эпохе Просвещения.

и самосовершенствованию личности; воплотившийся в деяниях великих людей *идеал самостроительства человека*, достигающего совершенства в творческой конструктивной активности, путем образования и возвышение культурной жизни. В контексте идеологии немецкого Просвещения, согласно которой мир человека творится им самим, получили развитие идеи конструктивизма, самодеятельности, врожденной активности души.

Что же происходило в России в те времена, когда Европа переживала эпоху Просвещения? Крепостное право (по сути рабство), где бесправны были не только крестьяне, но и элиты, ибо самодержавие не ограничивалось конституционными нормами. Как отмечает И.Д. Прохорова, **уникальная особенность российской модернизации – вплетение в этот процесс культурно-психологических традиций рабства.** «Есть в российской истории модерного периода... щекотливая тема – драматический опыт крепостничества, по сути рабства. Наличие подобного архаического социального института в эпоху Нового времени, несомненно, было чрезвычайно болезненным социальным изъяном императорской России, стремящейся позиционировать себя на международной арене в качестве великой европейской державы» (Прохорова, 2014). Более того, в Советской России традиции рабства и крепостничества мимикрировали и были успешно продолжены: «систему коллективного рабства» представлял «ГУЛАГ как экономическая модель,

² «Несовершеннолетие по собственной вине – это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. <...> Ведь так удобно быть несовершеннолетним!» (Кант, 1966, с. 25).

полное бесправие крестьянства, террор как способ тотального подчинения произволу правящей верхушки и т.д.» (Там же) (по сути дела, это была постмодернистски обыгранная архаика в современности).

В концептуальных рамках культурно-аналитического подхода (Гусельцева, 2013б) нами разрабатывается представление о необходимости дифференцировать мифологическое время (т.е. ту идеологическую реальность, которая порождает картину мира большинства населения страны, бездумно и автоматически им интериоризованную) и культурно-психологическое время (ту объективную и подлинную реальность, которая прорывается в реальных практиках, отдельных дискурсах, художественных озарениях и даже в личном опыте столкновения с действительностью). Таким образом, в соответствии с положениями культурно-аналитического подхода, важно дифференцировать идеальные, идеализированные и мифологические представления об обществе (идеальное Я страны) и реальное культурно-психологическое время и состояние, в котором страна развивается и живет. Так, все чаще в общественно-публицистическом дискурсе встречается мысль, что, несмотря на то, что в наших учебниках истории детям рассказывают про культуру российского Просвещения (вторая половина XVIII в.), **Россия не пережила своих Возрождения, Реформации и Просвещения, не прошла необходимых культурно-психологических**

этапов (культуры-психотехники), которые проживали европейские общества в процессе первой волны модернизации, при переходе сначала от феодализма к абсолютизму (централизованному национальному государству), а затем и к современному (правовому, демократическому, светскому и гражданскому) обществу. «В каком-то смысле мы сейчас находимся в западноевропейском XVIII веке, когда было жизненно необходимо сформулировать новую гуманистическую систему ценностей, сделать ее этической нормой для всего общества и тем самым оградить светскую культуру от клерикальных нападков. XVIII век был сложным переходным периодом в истории европейского современного времени. После свирепых и изнурительных религиозных войн XVII века все интеллектуальные силы были направлены на осмысление и преодоление травматического опыта, на поиск основ нового социального порядка. Центральным нервом эпохи был поиск философской и нравственной легитимации нарождающегося светского общества» (Прохорова, 2014).

Итак, обратимся к анализу модернизации России при переходе от традиционного общества к индустриальному. Как было отмечено выше, успехи индустриализации, урбанизация и мобилизация населения не означают автоматически завершения модернизационного проекта. Ибо, помимо всего перечисленного, модернизация предполагает возникновение светского общества как основы развития научной рациональности и правового государства, сопровождающегося становлением правовой рациональности и гражданской идентичности. С опорой на культурно-аналитический подход реконструируем реальное культурно-психологическое время развития страны.

ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ СТРАНЫ

На поверхностный взгляд и следуя сложившимся стереотипам мышления, нет вопроса, в каком культурно-историческом времени живет Россия, – конечно, в настоящем, в современности – первое, что приходит в голову. Однако все гораздо сложнее. Так, А.Г. Асмолов ввел

Несмотря на то, что в наших учебниках истории детям рассказывают про культуру российского Просвещения (вторая половина XVIII в.), Россия не пережила своих Возрождения, Реформации и Просвещения, не прошла необходимых культурно-психологических этапов (культуры-психотехники), которые проживали европейские общества в процессе первой волны модернизации, при переходе сначала от феодализма к абсолютизму (централизованному национальному государству), а затем и к современному (правовому, демократическому, светскому и гражданскому) обществу. «В каком-то смысле мы сейчас находимся в западноевропейском XVIII веке» (Прохорова, 2014).

конструкт «синдром современника», согласно чему не озабоченный критическим дискурсом современник «оказывается не в ладу с реальностью», «не успевает за временем» (Асмолов, 2015). В этой связи наш тезис: **рефлексия культурно-психологического времени жизни страны требует аналитической дифференциации с опорой на концепцию множественности России** (см.: Зубаревич, 1997, 2006, 2010). Так, современная Россия представлена смешанными пластами традиционной, индустриальной и постиндустриальной культур, где Россия «агрессивно-послушного большинства» (Ю.Н. Афанасьев) пребывает во времени до модернизации – в традиционном обществе. **Эта Россия живет в культурно-психологическом времени феодализма, где не свершились, т.е. массово не пережиты духовные события Возрождения, Реформации и Просвещения. Она ментально застряла в средневековом обществе, несмотря на то, что на дворе XXI в.** Выводя же на передний план анализа эту феодальную, архаичную реальность, мы абстрагируемся от концепции четырех России, согласно которой отечественная действительность гетерогенна и мозаична и в ней представлены разные времена и разные длительности. Это несомненно важный аспект анализа социокультурной реальности – представление о множественности проживающих на одной территории России, – однако мы обратимся к иному аналитическому уровню: к изучению доминирующего культурно-психологического времени страны, представленному в соответствии с методологией М. Вебера в качестве идеальной модели.

Догадки о том, что современная Россия живет в архаическом времени, и прежде проскальзывали в публикациях отдельных мыслителей, оставаясь при этом маргинальной линией общественного дискурса, однако в наши дни эти идеи все более часто проникают в публичное пространство, что свидетельствует о подспудной работе в осмыслении реальности самыми разными интеллектуалами (Быков, 2014; Иванов, 2012; Кончаловский, 2014; Пастухов, 2007; Прохорова, 2014). Итак, перед нами вопрос: каково реальное историко-психологическое время современной российской жизни? Будучи апологетами

Современная Россия представлена смешанными пластами традиционной, индустриальной и постиндустриальной культур, где Россия «агрессивно-послушного большинства» (Ю.Н. Афанасьев) пребывает во времени до модернизации – в традиционном обществе. Эта Россия живет в культурно-психологическом времени феодализма, где не свершились, т.е. массово не пережиты духовные события Возрождения, Реформации и Просвещения. Она ментально застряла в средневековом обществе, несмотря на то, что на дворе XXI в.

принципа методологического сомнения, мы должны заглянуть за изнанку официальной советской историографии и постсоветских мифологических наслонений, не попадая под гипноз того, о чем повествуют школьные учебники, а думая своим умом, как призывали стоящие у истоков ментальной модернизации Р. Бэкон и Ф. Бэкон. И тогда непредвзятый культурно-психологический анализ современной ситуации выявляет, что в российской истории так и не завершилась модернизация в качестве культуры-психотехники, порождающей секуляризованное сознание (научную и правовую рациональность) (Гусельцева, 2013б). Как уже было отмечено выше, в российской истории культуры не прожиты эпохи Ренессанса (ярко свершившегося в Италии, породившего гуманизм и чуть забрезжившего в серебряном возрождении XX в.), Реформации, Просвещения.

В чем культурно-психологический смысл Ренессанса? Это был опыт критико-синтетической работы с традицией: усвоение античных текстов посредством их реинтерпретации современной культурой. Опыт рождения индивидуальности личности (см.: Баткин, 1989); опыт становления гуманизма как цивилизационной парадигмы жизни общества. В концептуальных рамках культурно-аналитического подхода культура Возрождения трактуется как одно из значимых духовных движений в общем потоке модернизации.

В чем культурно-психологический смысл Реформации? Это был следующий модернизационный этап в эволюции духовной сферы человека, принесший в жизнь общества практики

свободы совести, идеологическую свободу, невмешательство религиозных организаций в частную жизнь. Что же можно сказать о таком компоненте модернизации, как секуляризация: насколько российский социум – это светское общество? Так, коммунистическая идеология, несмотря на то, что марксизм-ленинизм именовался наукой, по сути дела являлась религиозным учением и формировала сознание корпоративного типа, тоталитарное сознание, сектантское. «Будучи воспитанными на европейской культуре, оперируя политическим языком и социальными метафорами европейской истории, мы редко отдаем себе отчет, что в России никогда (за исключением двух постсоветских десятилетий) не было светского государства» (Прохорова, 2014).

В чем культурно-психологический смысл Просвещения? Его раскрыл И. Кант: «Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннoлетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннoлетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого» (Кант, 1966, с. 25). Причины этой неспособности, согласно И. Канту, «леность и трусость», «недостаток решимости и мужества» опираться на собственный разум. «Sapere aude! – имей мужество пользоваться собственным умом! – таков, следовательно, девиз Просвещения» (Там же). Труды деятелей Просвещения, таких как И. Кант, И. Гердер, Дж. Локк, Вольтер, Д. Дидро, Ш. Монтескье и другие, заложили новую парадигму отношений между обществом и государством, концепцию правового государства, гражданского общества и достоинства личности. Свободомыслие и чувство собственного достоинства – естественные права человека, культивирование которых движет общество к гуманизму. Однако овладение этими правами требует личного мужества и публичной ответственности.

Именно благодаря развитию критического мышления каждый человек и гражданское общество в целом воздействуют на государство, преобразуя его из абсолютистского и деспотичного в цивилизованное и правовое. Эпоха Просвещения проживалась Европой на фоне падения империй, монархий и гражданских войн, что не всегда очевидно³. Однако **культурно-исторический продукт эпохи Просвещения – это возникновение гражданского общества как достижение разумного компромисса после гражданской войны, в основе которой, в свою очередь, лежал конфликт разных жизненных ценностей и образов государственного устройства; появление правового государства; самоорганизация общества и общественный контроль над соблюдением прав личности.**

Если мы обратимся к анализу российской истории, то в начале XX в. заметим ростки Ренессанса, так называемый Серебряный век, который заложил мощный социокультурный фундамент, позволивший стране в дальнейшем совершить индустриализацию. На этом фундаменте по сути дела и просуществовала советская власть до тех пор, пока не исчерпала накопленный задел культуры. Здесь мы снова обсуждаем вещи далеко не очевидные. Так, успехи индустриализации, которые непросвещенное сознание обывателей, да и политических элит, приписывает Сталину, явились следствием социокультурного развития России в 1910-е гг. Успехи советской науки и культуры в XX в. продолжались до тех пор, пока не истощились академические традиции интеллектуальной элиты, заложенные на рубеже XIX–XX вв. Независимо друг от друга это показывают исследования историков психологии (Богданчиков, 2013; Ясницкий, Завершнева, 2009). Так, С.А. Богданчиков, раскрывая феномен одного из организаторов российской психологической науки Г.И. Челпанова,

³ По сути дела, переход от традиционного общества к модерну – это переход от детства к пубертату в истории человечества. И чтобы понять, что сегодня происходит с Россией, полезно взглянуть в уже завершившийся в этом плане исторический путь Европы. «Европейская летопись модерности многих стран также содержит позорные страницы рабства и работорговли; церковный раскол в России в XVII веке происходил на фоне чудовищных религиозных войн между католиками и протестантами, сотрясавших Европу на протяжении XVI и XVII столетий и породивших глубокую травму в коллективном сознании. В XIX веке Россия вместе с Европой пережила драму наполеоновских войн, политических трансформаций и милитаризацию сознания. В прошлом столетии весь европейский континент был погружен в кровавую трагедию мировых и гражданских войн, варваризацию общественного устройства, тотальный сбой моральных и ценностных кодов. Россия вместе с Европой пережила также слом старых социальных барьеров, иерархий, уклада жизни, традиционных опор власти и престижа» (Прохорова, 2014).

обнаруживает, что советская психология питалась интеллектуальными традициями челпановской школы, опирающейся на достижения мировой психологии того времени. В свою очередь, А. Ясницкий показывает, что советская психология держалась на старых профессорах, получивших еще дореволюционное фундаментальное образование; когда же эти культурные и интеллектуальные традиции истощились, наступила деградация, приведшая к обрушению СССР, «колосса на глиняных ногах». Аналогичные вещи, не ставя перед собой такой задачи, вскрыл и просветительский проект Л. Парфёнова – например, его фильм «Цвет нации» (режим доступа: <http://www.1tv.ru/documentary/fi=8396>), повествующий о родоначальнике искусства цветной фотографии С.М. Прокудине-Горском⁴. В эту же тему ложатся размышления И.Д. Прохоровой о Серебряном веке, взросшем исключительно на частной благотворительности: «Государство вообще не принимало в этом никакого участия. ...Советская власть существовала до тех пор, пока проедала это наследие. Как только она все проела, она рухнула, потому что та система выстроенных больниц, библиотек, вся инфраструктура здравоохранения, которая разрабатывалась до революции и отчасти легла в основание советской медицины, была изобретена отнюдь не большевиками, а теми... новыми лицами, людьми, инженерами, которые преобразили лицо России. Большинство этих людей осталось и еще долго довоспитывало следующие поколения вопреки всему»

(Прохорова, 2012). Таким образом, национальный подъем культурного строительства 1920–1930-х гг. по сути являлся инерционным шлейфом дореволюционного развития страны. Точно так же современному обывателю не приходит в голову, что «тучные 2000-е гг.» своим благополучием обязаны даже тем половинчатым реформам, которые успели провести «в лихие 1990-е».

Итак, в начале XX в. ренессансная модернизация в России блеснула, но не завершилась созданием фундаментального культурного слоя. Напротив, этот тонкий и нежный слой целенаправленно уничтожался на протяжении советского XX в. Лишь сейчас в поле нашей рефлексии входит дискурс, что в российской истории не случилось победившей буржуазной революции⁵, а революция 1917 г. выступила реставрацией абсолютизма (восстановлением самодержавия в новой исторической форме «диктатуры пролетариата»), ибо ее итогом явилось не прибавление личных и гражданских свобод, а смена элит (где самодержавная царская власть уступила место самодержавной пролетарской власти). Однако задачи, которые призваны решать буржуазные революции, так и не были решены.

Что же это за задачи? Прежде всего поворот от традиционалистского сознания/общества к модернизированному сознанию/обществу. Буржуазные революции – это лихорадочные реакции социального организма на кризис его роста, вовремя не разрешившийся эволюционным путем. В этом смысле

⁴ Побочным эффектом данного кинопроекта стала рефлексия деградации российского культурного слоя по сравнению с началом XX в. «...Чаще Прокудин-Горский снимал памятники, которым тогда было лет двести-триста, и стояли они как новые. Но уже лет через двадцать-тридцать начались фатальные перемены, а через сто – хорошо если находишь обломки. Больше всего за последние сто лет потеряла Центральная Россия, снятая Прокудиным-Горским особенно подробно. Зарастают старые русские города. Одних храмов нет, другие обезглавлены, доживает свой век историческая застройка, и все это тонет, тонет в зарослях. Прокудин-Горский ведь снимал самые выигрышные виды. А мы теперь, глядя на те же места, будто не знаем, как и смотреть. Зарос уездный город Старица в Тверской губернии, Троицкий собор в Осташкове тоже утонул в дебрях. В зарослях Горицкий женский монастырь. Перекрыта панорама при въезде в Можайск. Похоже, по старым правилам благоустройства охраняют только главные достопримечательности двух столиц» (Там же).

⁵ Подробнее см. исследования филолога, антрополога и «последнего энциклопедиста» В.В. Иванова (2012), а также политолога В.Б. Пастухова (Пастухов, 2007). «...Французская буржуазная демократия – ...результат Великой французской революции, которая длилась примерно 100 лет. Наша революция, которая началась в 1905 году, тоже уже длится немножко больше 100 лет. Но Россия (по размерам территории) гораздо больше, поэтому точные сроки у нас и Франции не могут совпадать. Но то, что сейчас происходит, это последние отблески того, что началось в 1905 году. <...> ...В 1905-м впервые было действительно широкое народное движение, и были уже политические партии. То есть то, что необходимо для реальной революции. Революций в истории было довольно много: английская, мексиканская, китайская, и все они более или менее проходят через одинаковые циклы. Первый – победа, потом – ряд внутренних стычек между вождями, друг друга убивают. Потом приходит Наполеон, или Сталин, или Кромвель. После них – разного рода бездарное междуцарствие. <...> ...Не только Европа, сейчас и Бразилия идет по этому пути, и в конце концов и Иран пойдет по этому пути. Россия в принципе – одна из обещающих стран за пределами Европы. Бразилия уже прошла через период диктатур. В Чили была диктатура. Но вообще большая часть Латинской Америки пережила все, что было у нас, как раз относительно благополучным образом» (Иванов, 2012). Анализ культуры и поведение элит в Латинской Америке в эпоху модернизационного перехода см.: (Монтанер, 2002).

культурным средством от революций является опережающая модернизация. В культурно-психологическом плане предпосылкой революций становится критическая ситуация, где общество в своем развитии обогнало государство и требует расширения круга как своих прав, так и социальной ответственности. Аналогом здесь служит ситуация в психологии личности, когда вдумчивые родители с целью упредить подростковый кризис опережающе расширяют сферу прав и обязанностей, пространство свободы и ответственности собственного ребенка.

В концептуальных рамках культурно-аналитического подхода нами развиваются представления о гетерогенности и гетерохронности культурно-психологического времени, в которых живут как разные страны, там и люди внутри одной страны; где в современной реальности сосуществуют слои разных времен⁶. Эти представления вполне согласуются с концепцией «четырех России» Н.В. Зубаревич (Зубаревич, 2006), согласно которой принято выделять для анализа большие города, средние города (как индустриальные, так и утрачивающие

индустриальность), малые города и села. Таким образом, современная Россия представлена сосуществованием непримиримых менталитетов: архаики, модерна и постмодерна, нерелексивно (не проработав) соединившего разные картины мира и образы жизни. Характеристики разных аксиологических систем и мировоззрений представлены в следующей ниже таблице.

Согласно И.Д. Прохоровой, «традиционалистское мышление укоренено в нашей культуре, ... оно прямо или косвенно воспроизводится в образовании, воспитании, в стиле жизни», оно сопротивляется секуляризации и переходу к светской системе жизни (Прохорова, 2014)⁷. Вместо переинтерпретации и осмысления исторического прошлого, напротив, происходит бездумная актуализация, реинкарнация, реанимация архаических представлений. Такая ситуация порождает разного рода риски в развитии страны.

РИСКИ ДЕМОДЕРНИЗАЦИИ

В дискурс современной отечественной социологии вошло понятие о *демоде- рнизации* (Кордонский, Дехант, Моляренко,

Таблица
Характеристики разных аксиологических систем и мировоззрений

Традиционное сознание/общество	Модернизированное сознание/общество
Сакральность власти	Дексакрализация власти
Тоталитарное (и/или религиозное) государство	Светское государство
Синкретизм ветвей власти	Дифференциация – разделение властей
Коллективное сознание; идея коллективной ответственности	Индивидуальное сознание; идея личной ответственности
Милитаризм, мобилизация общества	Гуманизация общества, доверие
Бряцание оружием	Конкуренция мозгов
Идея экспансии и захвата территорий; жизни людей приносятся в жертву мощи государства и расширения территорий	Идея обустройства локальных территорий и повседневного быта; государство и территории служат повышению качества жизни людей
Сакральность границ, архаические комплексы крови и почвы	Психологическое растворение границ, «планетарная идентичность»
Национальная история и этническая идентичность как ведущая; национализм	Транснациональная история, гражданская и планетарная идентичность; космополитизм

⁶ В подходе французского историка Ф. Броделя выделены три слоя истории – экономический, социальный, культурный. «История на этих трех уровнях течет с разной скоростью. Быстрее всего – на уровне экономики; социальные структуры изменяются медленнее, лишь постепенно уступая требованиям экономики; еще медленнее трансформируются идеология и культура, выступающие чаще всего в роли тормоза, лишь задним числом реагируя на изменения, происходящие сначала в экономической, а затем в социальной жизни» (Уваров, 2004).

⁷ И.Д. Прохорова отмечает, что даже продвинутым интеллектуалам порой трудно отказаться от традиционалистской оптики, являющейся частью их собственного культурного кода. Так, в общественном сознании воспроизводится «ложный миф об отсталости крестьян, их неготовности к свободному владению землей, их исконной приверженности общинному строю», а в нынешней реальности распространено отношение к народу как быдлу. «Этот патерналистский миф о неготовности людей к частной инициативе, к самоорганизации, к политической зрелости благополучно дожил до наших дней и активно транслируется в общество с помощью официальных СМИ. К слову сказать, рассуждения о “тупости народа” – одна из любимых тем и в оппозиционном фейсбуке» (Прохорова, 2014).

2012; Минаков, 2014; Шляпентох, 2008): вместо модернизационного рывка российское общество деградировало, «стало феодальным, сословным и не столько приблизилось, сколько удалилось от современности» (Черныш, 2013, с. 143). Авторы отмечают, что «неудачное течение российских реформ контрастирует с успехами не только стран Восточной Европы... но и стран в прошлом менее развитых, таких как Бразилия или Китай» (Там же, с. 144)⁸. Важно отметить, что для современного Китая (как и других стран, включившихся в модернизационные процессы лишь на рубеже XX–XXI вв.) модернизация сегодня складывается из двух этапов: создания индустриальной цивилизации и перехода к информационному обществу. Весь комплекс задач здесь приходится решать одновременно.

Множественные проблемы отечественной жизни и системы образования обусловлены тем, что, не завершив в культурно-психологическом плане *первую модернизацию* (переход от традиционной культуры к обществу модерна), где индустриализация и урбанизация – необходимые, но недостаточные ее условия, страна в конце XX в. оказалась в новой постмодернистской реальности, в которой развитые страны уже вовлечены в процесс непрерывной модернизации (*второй модернизации*, возникшей при переходе от индустриального к постиндустриальному типу обществ). Здесь важной идеей в интеллектуальном дискурсе стало представление о том, что модернизация отнюдь не означает вестернизации, несмотря на то, что динамичная европейская культура пережила эти процессы раньше иных стран (Прохорова, 2014; Фурман, 2003, 2010).

Существенную роль в решении тех или иных проблем играет верно поставленный диагноз; в нашем случае эти задачи диагностики призвана решить многомерная аналитика текущей социокультурной реальности (культурно-аналитический подход). Элиминировав ценностные суждения, нам следует понять действительность *per se*, ибо подобно тому, как личность представлена идеальным и реальным Я, разрыв между идеализированными представлениями и реальным состоянием дел имеется и у страны⁹, тогда как без трезвой оценки и осмысления последнего нет движения к позитивным переменам. Именно в критической рефлексии социокультурной реальности во все времена состояла миссия интеллектуала¹⁰ (см.: Рассел, 2000; Фуко, 2005).

Важным фактором успешности стратегии и тактики как модернизации российского общества в целом, так и системы образования в частности, является готовность учитывать реальность культурной травмы. Постсоветское и посттоталитарное общество исполнено скрытых конфликтов, глубоких и вытесненных в коллективное бессознательное травм, что отнюдь не способствует его оздоровлению¹¹. Все это предписывает особую психотерапевтическую миссию и системе образования.

Одной из проблем работы с обществом, пережившим культурную травму (а это происходило в истории XX в. со всеми выходящими из тоталитаризма странами), является отсутствие дискурса, позволяющего обсуждать неоднозначные и конфликтные реальности. Важную роль здесь играет работа с языком – не только возникновение

⁸ «В то время как российское общество сталкивалось с болезненными последствиями закрытия высокотехнологических производств, массовой декартизацией, кризисом образования и науки, Китай планомерно накапливал человеческий капитал, готовил внутри страны и за рубежом специалистов высокого класса, способных выводить экономику к новому уровню развития» (Черныш, 2013, с. 145).

⁹ Напомним читателю краткую характеристику текущей ситуации, данную В.Л. Иноземцевым: «Россия начала второго десятилетия XXI века – совершенно особая страна по ряду признаков. Это открытое общество, граждане которого больше всего боятся именно этой открытости. Это относительно жестко управляемое общество, но не имеющее никакой идеологии, общество с массой формальных ограничений, но допускающее немислимую степень личной свободы. Наконец, что самое важное, это общество, которое кажется единым и сплоченным, но основано на неограниченном индивидуализме» (Иноземцев, 2015).

¹⁰ В наши дни важно «осознание колоссальной ответственности, стоящей перед современным интеллектуальным сообществом, той огромной работы, которая ему предстоит для построения светского государства и гражданского общества» (Прохорова, 2014).

¹¹ Сходные мысли высказывает А.В. Юревич о миссии отечественной психологической науки: «... внешнеполитические события последнего времени не умаляют значимости внутренних проблем современной России, в том числе ее психологического состояния». Он приводит результаты различных исследований, а также собственного анализа, демонстрирующие негативный характер этого состояния: «Отмечается его “кентаврообразность” – внутренняя противоречивость современного российского менталитета, находящая выражение в сосуществовании противоборствующих его видов. Делается вывод о том, что развитие российского общества требует не только социально-экономического, но и социально-психологического обеспечения» (Юревич, 2015, с. 32).

терминов, обозначающих и фиксирующих становящиеся социокультурные процессы, но и дифференциация агглютинированной (склеенной, синкретичной) действительности. Вне этого процесса не происходит развитие ни научной, ни правовой рациональности, которые, в свою очередь, являются двигателями модернизации. Нередко причиной ситуации незавершенной модернизации является тот факт, что культурно-психологическим факторам (а к ним относятся становление рациональности как таковой, переход от мифологического мышления к научному, развитие тезауруса и критического дискурса и т.п.) не придается столь же существенного значения, как факторам политическим и экономическим.

В этой связи в концептуальных рамках культурно-аналитического подхода на передний план выходит необходимость критического изучения проблемных точек незавершенной модернизации, в том числе и аналитической дифференциации понятий «общество», «страна», «нация», «государство». В постиндустриальном мире локомотивом прогрессивного развития страны является ее общество (которое, в свою очередь, стимулировано к развитию социально активным меньшинством и интеллектуальной элитой), тогда как государство служит технологическим средством осуществления общественного прогресса. В соответствии со схемой уровней методологии науки (Юдин, 1997) – при эвристическом наложении ее на идеальную модель социокультурной модернизации образования и общества – философский и общенаучный уровни обеспечивает интеллектуальная элита, производящая стратегические цели и ценности; конкретно-научный уровень обеспечивают социально активное меньшинство (гражданское общество) и техническая интеллигенция, решающие тактические задачи модернизации общества и образования; за инструментальный уровень поддержки модернизации отвечает государство (в лице чиновников, репрессивного аппарата и управленцев). Такая методологическая схема, в свою очередь, демонстрирует трансформацию представлений – от архаической и неэффективной централизованной модели (сакральность власти, мобилизационная

вертикаль, иерархическое устройство жизни – своего рода «табель о рангах» и квазифеодальная сословность, препятствующая профессиональному отбору на основании стандартов *личных достоинств и талантов*) к постиндустриальной меритократической модели («власти достойных»).

ОТ ПРИНЦИПА УДОВОЛЬСТВИЯ – К ПРИНЦИПУ РЕАЛЬНОСТИ (КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА)

На основании работ ведущих социологов, философов, историков культуры, выделим основные проблемные точки (одновременно и шансы роста) современного российского общества. (Основательный анализ социально-психологического состояния российского общества см.: Юревич, 2015.)

- Это общество невротизированное и психотравмированное. Вот уже несколько десятков лет оно живет в состоянии перманентного стресса и незавершенной модернизации, которая не приносит облегчения, ибо не достигает видимого результата – *цивилизационного качества жизни* (социальной и правовой защищенности человека, передовых систем здравоохранения и образования, разработки высоких технологий и конкурентоспособного производства, чувства собственного достоинства и уважения к индивидуальности личности, гражданской солидарности и позитивной общественной атмосферы, дающей как молодым людям, так и старикам уверенность в завтрашнем дне). **Неэффективность же российских модернизаций обусловлена тем, что совершаются они в форме имитаций (имитационная модернизация, «абортивная модернизация», «рецидивирующая модернизация»)** (Гудков, 2011; Наумова, 1996; Фурман, 2010).

- Это общество индивидуализированное, которое, несмотря на выраженную приверженность на словах к духовным и коллективным ценностям, в реальности глубоко безнравственно и не способно ни к *культуре позиции* (психологической зрелости индивидуальности и гражданской ответственности), ни к солидарности (где в наши дни элементы бескорыстной взаимопомощи

зарождаются в форме волонтерских движений, благотворительных фондов и горизонтальных отношений отдельных граждан – проекты на платформе краудсорсинга (crowdsourcing)¹², краудфандинга (crowdfunding)¹³ и т.п.).

- Это общество нетерпимое и поляризованное; это общество культурной травмы, которое, не совершив успешной модернизации и не испытав катарсиса обновления и позитивных ценностей, не добившись обустроенной, благополучной и безопасной повседневности, не создало образа достойной жизни, и в нем сработали регрессивные механизмы – *племенное сознание* (деление мира на своих и чужих, поиск врага), воля к изоляционизму (пресловутый «особый путь»), возвращение к архаике (см., например: Асмолов, 2014а, 2014б, 2014в).

В порядке социально-психологической терапии такое общество нуждается в позитивных ценностях и достойных образах будущего. Первоочередную значимость обретает в этих условиях образование и воспитание подрастающих поколений. **Задача, стоящая перед аналитиками и стратегами образовательной политики, – предложить программы, позволяющие осуществить успешную модернизацию, а также психотерапию и гуманизацию жизни, ведущие к достижению общественного согласия.** Обществу необходимо сконцентрировать усилия на позитивной социализации молодых людей: достойное настоящее и будущее детей, инвалидов и стариков может стать одной из точек согласия и солидарной деятельности в атомизированном и расколотом социуме.

Образы позитивного будущего создают психологические теории, которые не противопоставляют ценности коллективизма и индивидуализма, а раскрывают присущую этим теориям диалектику

Задача, стоящая перед аналитиками и стратегами образовательной политики, – предложить программы, позволяющие осуществить успешную модернизацию, а также психотерапию и гуманизацию жизни, ведущие к достижению общественного согласия. Обществу необходимо сконцентрировать усилия на позитивной социализации молодых людей: достойное настоящее и будущее детей, инвалидов и стариков может стать одной из точек согласия и солидарной деятельности в расколотом социуме.

антиномии (см., например: Роменец, 1989; Рубинштейн, 2008). Здесь крайне важно отметить, что процессы индивидуализации и глобализации – а это далеко не всегда очевидно – суть две стороны одной медали. Иными словами, **нет подлинной индивидуализации и становления национальной (гражданской) идентичности без выработки космополитических установок и общечеловеческих ценностей.**

Перед системой образования встают принципиально новые задачи. Педагог и антрополог К. Вульф¹⁴ отрефлектировал эти задачи в контексте образовательной программы глобального и межкультурного воспитания. «От человека ожидают самоопределения и самореализации. Принятие решений и рефлексия становятся важными навыками образа жизни» (Вульф, 2012, с. 221). От современного подростка в глобальном мире требуются такие компетенции, как «способность к сотрудничеству и инновациям, успешность и способность к рефлексии, медийная межкультурная компетенция» (Там же, с. 222). Для школьных же учебников недостаточно «национально-центристского видения воспитания и образования», где иные культуры выступают лишь фоном развития собственной нации, а необходима

¹² Краудсорсинг (от англ. crowd – «толпа» и sourcing – «использование ресурсов») – одна из современных культурных практик, которая помогает решать социально значимые проблемы солидарными усилиями добровольцев, чья деятельность скоординирована при помощи информационных технологий. Примерами такой практики служат Википедия – энциклопедия, творимая усилиями специалистов-волонтеров, а также проект NASA по анализу снимков поверхности Марса, созданный астрономами-любителями.

¹³ Краудфандинг (от англ. crowd – «толпа», funding – «финансирование») – сотрудничество людей в плане добровольного сбора средств (денег или иных ресурсов) для решения поставленных задач посредством Интернета. Примерами здесь служат помощь пострадавшим от стихийных бедствий и нуждающимся в дорогостоящем лечении, спонсирование политических кампаний, финансирование стартап-проектов, производство свободного программного обеспечения и др.

¹⁴ Кристоф Вульф (р. 1944) – профессор общей и сравнительной педагогики Свободного университета в Берлине, директор междисциплинарного центра по сравнительной антропологии, один из идейных лидеров современного образования.

децентрализация взгляда – как изучение национальных культур в контексте планетарной истории, так и включение в школьные программы региональных традиций, «разработка *новых транснациональных принципов лояльности и солидарности*» (Там же, с. 227–228). Глобализация – это сложный и многомерный процесс, не только включающий экономические, политические, социальные и культурные аспекты, но и протекающий в сочетании антиномий, где универсальное поддерживает уникальное, глобальное усиливает локальное, а развитие индивидуальности подразумевает опору на человеческую солидарность.

Если эти задачи совокупных модернизаций (от архаики – к модерну, от национального государства – к транснациональному дискурсу, от индустриального мира – к информационному) в наши дни не решаются, что ожидает общество в перспективе? Выделим следующие риски.

- Распад и крах архаической государственности, которого политическая элита так отчаянно боится, однако по законам психоистории сама же активно приближает (непредвиденные последствия наших действий¹⁵, самосбывающиеся прогнозы) (Морен, 2005; Фурман, 2010).

- Массовый исход из страны предприимчивых и инициативных молодых людей, профессионалов и интеллектуалов (Агамова, Аллахвердян, 2007; Рязанцев, Письменная, 2013). Как отмечает М.Г. Гольдфельд в основательной статье, посвященной «утечке мозгов», данную проблему следует рассматривать в контексте общей ситуации развития страны. «Если государство имеет продуманную стратегию национального строительства, то оно будет искать и находить способы для такой поддержки. Если же нет, то исход молодых умов неизбежен

и даже желателен: за пределами России они будут жить в нормальных условиях, сохранят научный потенциал, и в конце концов достижения научно-технического прогресса вернутся в Россию с Запада, как уже не раз бывало в истории» (Гольдфельд, 2007)¹⁶.

- Перерастание холодной гражданской войны в горячую. (Так, **одним из признаков завершенной модернизации является прекращение гражданской войны и достижение общественного договора между идеологическими противниками.** Отсюда следует, что толерантность как цивилизационная норма (Асмолов, 2012) также является важным продуктом социокультурной модернизации. В культурно-психологическом смысле гражданская война в России так и не была завершена. «Сын Шолохова вспоминал: в семьдесят, кажется, втором году смотрели они с отцом передачу о Гражданской войне. Сын спросил отца: как, по-твоему, когда все-таки действительно закончилась Гражданская война? Шолохов попытлел трубкой и ответил хмуро: она, может, и не кончалась...» (Быков, 2014).)¹⁷

КУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА КАК ФАКТОР, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЙ РАЗВИТИЮ ЛИЧНОСТИ, МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И СТРАНЫ

Идеологическая поляризация, о которой свидетельствуют текущие аналитические срезы социокультурной реальности, является симптомом «многолетней коллективной травмы» (Прохорова, 2014). Однако увещаниями и вытеснением проблемы вглубь, как известно психологам, такие травмы не лечатся. Изживанию коллективной травмы способствует работа переосмысления исторического опыта, перевод проблемы в публичный дискурс, налаживание

¹⁵ Французский социолог Э. Морен писал: «Мы не можем быть уверены в том, что результат действия будет соответствовать нашим намерениям, напротив, мы вправе серьезно сомневаться в этом. <...> Как только индивид предпринимает действие, каким бы оно ни было, оно начинает ускользать от его намерений. Это действие вливается во вселенную взаимодействий и, в конечном счете, поглощается окружением, так что в результате может получиться даже нечто противоположное по отношению к первоначальному намерению. Часто действие возвращается бумерангом к нам самим» (цит. по: Князева, 2005, с. 18).

¹⁶ «Ученые, обладая профессионально развитым критическим мышлением, менее других склонны верить официальной мифологии, лучше видят преобладающие тенденции развития российского общества и не могут не обращать своих надежд на Запад» (Там же).

¹⁷ В 1953 г. после смерти И. Сталина Анна Ахматова заметила: «...теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили» (URL: <http://obzor35.ru/13-9/16608-anna-andreevna-akhmatova>). Л.Г. Парфенов констатирует: «...один россиянин считает, что Сталин – это кровавый палач, а другой россиянин считает, что Сталин – это эффективный менеджер...» (Парфенов, 2015). По сути дела, здесь представлена феноменология холодной гражданской войны.

общественного диалога, предъявление хтонических чудовищ свету разума. Таким образом, **при реформировании системы общества и образования необходимо учитывать реальность культурной травмы.** Изучению коллективной травмы посвящены работы социолога П. Штомпки (Штомпка, 2001а, 2001б). Культурно-аналитический подход, разработанный с целью перевода общеполитических и общенаучных идей на конкретно-научный уровень психологии и в практику образовательной политики, позволяет встроить эти идеи в стратегические разработки модернизации системы образования.

Культурные травмы не дают как отдельным людям, так и стране в целом посмотреть в лицо реальности, выстроить адекватную картину мира¹⁸. Особенности российской культурной травмы является сложное наложение целого ряда обстоятельств, представляющих как постимперский синдром, так и постсоветский (посттоталитарный) синдром.

Что такое **постимперский синдром**? Как было замечено выше, модернизация есть разноступенчатый и непрерывный процесс. Во многих странах движение от империи к национальному государству происходило столетиями. Например, последним актом распада Австро-Венгерской империи явились процессы, совершавшиеся в конце XX в. в Югославии. «XX век был веком распада большинства империй; фантомные боли потерянных территорий до сих пор причиняют страдания уязвленной национальной гордости британцев, австрийцев, португальцев» (Прохорова, 2014). Что же способствует избавлению, преодолению, излечиванию постимперского синдрома? Прежде всего, продуктивная модель развития страны, ценности, практики и образы достойного будущего.

В свою очередь, распад тоталитарного государства – СССР с его системой

государственной монополии, идеологического контроля и мифологий о якобы самой великой и прогрессивной стране – имел одним из последствий **посттравматический синдром.** Рисками посттравматического синдрома выступают регрессия к архаике, племенному сознанию (Эпштейн, 2014), «легко возбуждаемая массовая истерия» (Прохорова, 2014). «Постсоветская Россия – как и многие другие восточно европейские государства, столкнувшиеся с необходимостью перестройки собственной политической идентичности, помноженной на незавершенность процесса формирования нации, – на новом историческом витке воспроизводит уже имевшую место в эпоху романтизма ситуацию. Прошлое вновь должно дать ответ на вопросы, диктуемые современностью. Проблема в том, что сама современность стала иной, и те вопросы, которые обращала к прошлому эпоха рождения наций, а теперь вновь озвучиваются в эфире, кажутся все более анахроничными. “Духовные скрепы”, “воля нации”, “единая и неделимая тысячелетняя история”, несмотря на свой универсалистский пафос, не могут скрыть стоящего за ними частного интереса правящей элиты, компенсирующей пустоту наскоро изобретаемых традиций лишь благодаря риторической возгонке и политическому весу тех, кто взял на себя ответственность “хранить и защищать нашу память”» (Калинин, 2013) (выделено мной. – М.Г.).

На пути к осмыслению и проработке культурных травм серьезной запрудой лежат мифологемы отечественного менталитета.

МИФОЛОГЕМЫ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

И.Д. Прохорова, опираясь на мышление А.М. Пятигорского, обращает внимание на идею бесконечного

¹⁸ Как известно, именно культурная травма, версальский синдром подготовил почву для развития германского национал-социализма. «Британский историк Кейт Лоув приводит ряд примеров, как после Второй мировой войны одновременно в разных национальных сообществах складывалась новая коллективная идентичность на основе героического мифа о единстве и мужестве людей в борьбе с общим врагом. Эта редукционистская мифология возникла не столько в результате официальной пропаганды, сколько в качестве компенсаторного механизма оправдания многолетних страданий, а также подавления воспоминаний о собственных преступлениях, предательствах и нравственном падении в отчаянной борьбе за выживание. Однако в 1960-х годах национальная память во многих европейских странах становится более индивидуализированной и интернациональной. Дискредитированное героическое прошлое в Германии уступает место негативному прошлому, т.е. памяти о преступлениях и чувству вины, которое ставит под вопрос монолитность коллективной идентичности» (Прохорова, 2014). «В России же советская модель героического прошлого пережила распад самого Советского Союза и удерживает лидирующие позиции до настоящего дня» (Там же). Осмыслению культурных травм XX в. препятствует мифологизированное массовое сознание, психологическая неготовность общества пережить и проработать свои культурные травмы.

расширения пространства vs освоение и благоустройство уже имеющейся территории. Согласно А.М. Пятигорскому, **в российском менталитете идея территории и идея государства довлеет над идеей сбережения народа и человека, живущего на этой земле.** «Этнос подменяется территорией, страна подменяется государством, стерегущим священные границы. <...> Таким образом, территория как самоценность, не привязанная к судьбам и нуждам обитающих на ней людей, становится стержнем национального самосознания управляющей элиты, навязывающей эту систему ценностей обществу. Это объясняет безумную традицию считать отъезд или бегство из страны предательством родины» (Прохорова, 2014).

Какие средства есть в распоряжении у системы образования, чтобы справиться с этой мифологемой? Такими культурными средствами становится обращение к истории повседневности или антропологической истории, т.е. истории с человеческим лицом; переход от имперской оптики исторического нарратива к антропологической оптике, выводящей на передний план людские страдания и подвиги, переживания и судьбы. (Завет отечественного классика Л.С. Выготского «от систем перейти к судьбам» актуален не только для модернизации психологической науки, но и для исторического образования.)

Культурная травма российского общества также связана с ущемлением **ведущей ценности национального менталитета – социальной справедливости.** Аналитики, обрушивающиеся

с оценочными суждениями на такие качества россиян, как патернализм и эгалитаризм, и предлагающие в качестве средства решения проблем «шоковую терапию», уподобляются завучу, который ждет от первоклассника рекордной скорости чтения, не принимая в расчет ни возрастных особенностей, ни индивидуальности, ни психологии. Особенности менталитета россиян – это историческая данность. Недалековидно и негуманно требовать от народа быть иным, нежели он есть в действительности; мобилизационная политика влечет за собой подрыв национальных сил, что, в свою очередь, определяет демодернизацию. Антропологический же подход создает оптику принятия народа (и периодов истории) в совокупности пороков и достоинств, преступлений и подвигов, ведя к цивилизационным ценностям дорогами просвещения, социального воспитания и гуманизма, учитывая национальные особенности.

Третьим камешком в ботинке на пути социокультурной модернизации является мифология культурных героев. И.Д. Прохорова как один из ведущих аналитиков в сфере гуманитарного развития страны обращает внимание на **популярность образов злодеев в российской истории (Иван Грозный, Сталин) и равнодушие к образцам достойного поведения, которые должны вызывать безусловную гордость за продвижения страны в сферах науки, культуры и технологий (Юрий Гагарин).** «Общество продолжает жить в навязанных рамках сомнительных периодизаций, ложного пантеона героев, искривленной системы этических координат» (Прохорова, 2014). (Социологические опросы о культурных героях обобщены в материале Б.В. Дубина (Дубин, 2008).)

И.Д. Прохорова также виртуозно вскрывает подмены, осуществляющиеся в публичном вербальном пространстве официальной культуры. Одна из них – мифологема высокой духовности и коллективизма российского общества, тогда как в реальности имеют место аморализм, правовой нигилизм и индивидуализм.

Характеризуя нравственное состояние нынешнего общества, обратимся к феноменологической зарисовке. Так,

Согласно А.М. Пятигорскому, в российском менталитете идея территории и идея государства довлеет над идеей сбережения народа и человека, живущего на этой земле. «Этнос подменяется территорией, страна подменяется государством, стерегущим священные границы. <...> Таким образом, территория как самоценность, не привязанная к судьбам и нуждам обитающих на ней людей, становится стержнем национального самосознания управляющей элиты, навязывающей эту систему ценностей обществу. Это объясняет безумную традицию считать отъезд или бегство из страны предательством родины» (Прохорова, 2014).

журналист К. Соколова, беседуя с режиссером А. Звягинцевым, замечает: «...наша страна на сегодняшний день является абсолютно уникальным обществом, где почти полностью утрачена, истреблена мораль. На ее месте представлены самые разнообразные виды аморальности, иногда до того фантазмагорические, что вызывают остолбене-ние. <...> Я отдаю себе отчет в том, что глобальная утрата морали – результат цепи трагических исторических обстоятельств, случившихся с Россией... Тем не менее результат этого эксперимента поражает: такой естественной, почти детской, кристальной массовой аморальности, принимающей самые причудливые формы, как в современном российском обществе, я, пожалуй, не могу найти аналогов. <...> Самое поразительное в аморальности, о которой я говорю, – это ее массовость и обыденность. Живя в России, ты как будто пребываешь в дурном сне, где тебя постоянно уверяют, что ужас – норма жизни. Что лгать, предавать, изменять, воровать, презирать слабого – это совершенно естественно, и все так живут, а ты один наивный идиот. Я даже не говорю про власть или телевизор – проблема в том, что граждане массово воспроизводят отвратительные паттерны поведения, присущие власти, в отношениях друг с другом, на всех уровнях. Можно рассуждать о причинах этого явления: целенаправленное уничтожение в несколько приемов цвета нации, войны, отрицательная селекция, уничтожение религии, людоед Сталин, ГУЛАГ, цепь адски унылых вождей. Интересно на самом деле другое: **что нужно сделать здесь и сейчас, чтобы запустить обратный расчеловечиванию процесс**, и можно ли вообще его запустить на данной стадии деградации? Возможно ли “вочеловечивание” обратно?» (Соколова, 2015) (выделено мной. – М.Г.).

Приведенная феноменология свидетельствует о том, что в постсоветском обществе интеллектуалы не выполнили свою работу¹⁹, не произвели новых

Крайне опасными представляются поддерживаемые массовой пропагандой антизападные настроения, которые в век глобализации загоняют страну в искусственный изоляционизм, тогда как суть цивилизационного развития – продуктивность культурных контактов, научного обмена и социальной мобильности. Перефразируя У. Черчилля, западный проект модернизации имеет множество проблем и недостатков, однако эта модель, как доказывает многовековая история, позволяет с проблемами конструктивно справляться, тогда как окукливание и самогипноз личности пути развития заканчиваются потерями временных ресурсов и национальной катастрофой.

смыслов и ценностей, не разработали иные интерпретации истории, не провели общественных дискуссий, не предложили стране и людям достойных образов будущего развития. **Ловушка экономической и политической детерминации развития страны опять сработала здесь в недооценке фактора культуры** (см.: Монтанер, 2002). Однако не проделанная работа требует вечного возвращения.

Крайне опасными в этой связи представляются поддерживаемые массовой пропагандой антизападные настроения, которые в век глобализации загоняют страну в искусственный изоляционизм, тогда как суть цивилизационного развития – продуктивность культурных контактов, научного обмена и социальной мобильности. Перефразируя У. Черчилля, западный проект модернизации имеет множество проблем и недостатков, однако эта модель, как доказывает многовековая история, позволяет с проблемами конструктивно справляться, тогда как окукливание и самогипноз личности пути развития заканчиваются потерями временных ресурсов и национальной катастрофой. В новой постиндустриальной реальности актуальны игры с ненулевой суммой (идеал цивилизационной солидарности)²⁰, где не только взаимопомощь и настроенность на коммуникацию и договор продуктивнее,

¹⁹ «Это была фундаментальная интеллектуальная и мировоззренческая ошибка, и исправлять ее придется сейчас. Нам необходимо вернуться в прошлое и переосмыслить историю собственной страны, чтобы найти нужные слова и образы, делающие идеи свободного демократического устройства, светского государства и гражданского общества более привлекательными, нежели идея великой священной империи» (Прохорова, 2014).

²⁰ В этом контексте Э. Морен ввел конструкт «планетарная идентичность», призывая «рассмотреть вопрос о планетарном гражданстве, которое гарантировало бы права для всех землян. Эта идея, которая в настоящее время кажется утопической, была, однако, реализована указом Каракаллы в 212 г. н.э., который предоставил римское гражданство всем жителям Римской империи, которая тогда, в его собственных глазах, являлась целым миром» (Морен, 2012).

нежели конфронтации и конфликты, но и национальное (уникальное) развитие расцветает там, где поддерживается глобальное (общецивилизационное и универсальное развитие). (В психологии этому соответствует *принцип единства индивидуализации и социализации* – см.: Гусельцева, 2013а.)

Вопреки насаждаемой в обществе антизападной риторике образцом цивилизационного развития в наши дни выступают успешно завершившие первую модернизацию страны, а продуктом этой модернизации явились *культура права и нормы рациональности* как основы жизни в глобальном мире (Межуев, 2012; Фурман, 2010). Иными словами, наряду с *принципом рациональности* как важной составляющей европейской ментальности современная цивилизация держится на *идее культуры и идее права* (где правовая рациональность выступает ведущей формой повседневного отношения к жизни цивилизованного человека). В монографии «Идея культуры» В.М. Межуев показывает, что наука и право стали уникальным вкладом западной цивилизации в мировое (универсальное) развитие; без этих идей сегодня не может обойтись ни одна цивилизация (Межуев, 2012). Возрождение, Реформация и Просвещение предстают своеобразными вехами на пути становления социокультурной и гражданской идентичности. «Лишь пройдя все три, европеец обрел в собственных глазах статус современного человека, подающего другим народам пример культурного существования и развития» (Там же, с. 54). **Рациональность, право и идея культуры** сделали цивилизационной нормой:

Вопреки насаждаемой в обществе антизападной риторике образцом цивилизационного развития в наши дни выступают успешно завершившие первую модернизацию страны, а продуктом этой модернизации явились культура права и нормы рациональности как основы жизни в глобальном мире. Наряду с принципом рациональности как важной составляющей европейской ментальности современная цивилизация держится на идее культуры и идее права (где правовая рациональность выступает ведущей формой повседневного отношения к жизни цивилизованного человека).

современная наука, правовые предпосылки светских форм жизни (правовая рациональность) и уважение к культурному разнообразию (толерантность) являются основой существования единого человечества.

Сложилась ли в российском менталитете рациональность как таковая? Согласно социальным антропологам, рациональность повседневного поведения наших граждан не является сильной стороной национального характера. В этой связи в качестве компенсации в систему образования необходимо вводить курсы и практики критического мышления, опыт публичных дискуссий, воспитывать социальные компетентности, связанные с достижением консенсуса. В обществе в целом этому служат институты парламентаризма и демонополизация средств массовой информации. Важную роль играет обращение к интеллектуальным традициям становления правовой и научной рациональности, к цивилизационным идеям и ценностям либерально-освободительного движения.

Согласно И.Д. Прохоровой, в интеллектуальной истории России практически отсутствовала философская рационалистическая традиция, а «вековая российская авторитарно-тоталитарная политическая система вынуждала переносить обсуждение острых социальных проблем в сферу культуры, что привело к неразработанности политического понятийного аппарата» (Прохорова, 2014). Однако **российское общество завершает первую модернизацию в постмодерную эпоху, что создает дополнительные возможности более широкого выбора коммуникативного пространства для синтеза исторических традиций и их переработки.** В пережившей постмодернизм культуре уже наработаны определенный аналитический инструментарий (см., например, работы постструктуралистов, посвященные «концу идеологии») и познавательные практики.

Постнеклассическая, постмодернистская эпоха оказалась по своим устремлениям синтетической, она предложила широкие возможности интеграции традиции и инновации, классики и современности, полипарадигмального и мультидисциплинарного синтезов. Однако российская культура не

воспользовалась возможностями включиться в модернизацию посредством эстетической игры с архаическими комплексами. Теория же «множественных модерностей», изучающая совершающиеся в разных странах вариативные сценарии модернизации, позволяет всмотреться в наиболее успешные образцы и, возможно, почерпнуть в них мотивирующие образы позитивного будущего. Однако к этой теме мы обратимся в другой статье нашего цикла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории культуры существует миссия интеллектуала – этот пафос особенно был выражен во французской традиции: роль интеллектуала в модернизации общества. В наши дни осознание ответственности интеллектуальной элиты робко возникает в России. Так, осознана проваленная миссия интеллектуала в отношении десталинизации общества, однако за этим стоит и более глубокий пласт анализа – отсутствие дискурса, позволяющего обсуждать такого рода проблемы и тем самым преодолевать культурные травмы XX в. (Калинин, 2015; Прохорова, 2014).

Вопрос о тезаурусе для описания новых реальностей – это не только проблема науки; он имеет свои социальные и исторические последствия. Общество так легко увлеклось бегством в архаику, потому что ему не предложены язык и культурные средства для конструкции образов позитивного будущего. Это делает актуальной миссию психологии культуры как науки, рефлексирующей антропологическую сложность современного мира (Гусельцева, 2013б). В концептуальных рамках культурно-аналитического подхода здесь уместен вопрос: почему на российской почве не только не укоренились, а оказались дискредитированы либерально-освободительные идеи? Один из возможных ответов – отсутствие дискурса, адекватного сознанию общества. Так, в Англии либеральная идея обсуждалась в терминах самоорганизующей новую реальность «невидимой руки рынка», однако этот дискурс не годился для России, где не было исторических традиций индивидуализма, инициативности, правовой рациональности. Во Франции либеральная идея претворялась в жизнь на

ином языке – во взаимосвязи категорий «свобода – равенство – братство» (см.: Кобрин, 2015). Российское же общество не выработало дискурса, чтобы осмыслить то, что с ним происходит, и культурная травма оказалась вытеснена; в 1990-е гг. обществу прививали новую реальность в западной терминологии, но это претворилось в симулякр, в имитации, потому что, как стало понятно лишь сейчас (см.: Прохорова, 2014), требовались опоры и реконструкции собственной либерально-освободительной традиции (П.Я. Чаадаев, А.С. Пушкин, В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский и другие), где идеи свободы и личности органично связаны со значимой для российского общества идеей социальной справедливости.

Таким образом, начавшиеся в XVIII–XIX вв. модернизационные процессы в России до сих пор не завершены. Современная российская культура состоит из смешанных пластов традиционного, индустриального и постиндустриального стилей жизни. Подобно тому как в психологии человека различают биологический и психологический возраст, у страны есть реальное (действительное) и идеальное (желанное) культурно-психологическое время. По своим внутренним культурно-психологическим часам нынешняя Россия до сих пор не прошла модернизацию в классическом смысле этого слова. У модернизации как теоретического конструкта есть множество разных граней: переход от традиционалистского типа общества – к обществу современному; от феодализма – к Новому времени; от империи – к национальному государству. И в этом культурно-психологическом контексте развития **Россия не пережила собственных Возрождения, Реформации, Просвещения в качестве культур-психотехник, а стало быть, не совершила необходимый для модернизации набор мировоззренческих поворотов и ценностных трансформаций.** Осуществив экономическую модернизацию, она не прошла через модернизацию политическую и культурную, а культура, как мы стремились показать в предыдущей статье (Гусельцева, 2015), имеет в постиндустриальном мире первостепенное значение. Таким образом, современная Россия по параметру культурно-психологической зрелости есть

переживающий исторический пубертат подросток. Продуктом же совершившейся модернизации при переходе от индустриального мира к информационному становится понимание, что изменения, индивидуализация и глобализация, неопределенность, разнообразие и личная ответственность самореализации суть нормы современной жизни. При этом важной задачей интеллектуала остается – обращать инструменты критического мышления как на реальность, так и на установки собственного сознания, с тем чтобы вскрыть подлинное лицо предстоящей реальности, прикрытое паранджой мифологем, этикеток и ложных понятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамова Н.С., Аллахвердян А.Г. Утечка умов из России: причины и масштабы // Российский химический журнал. 2007. Т. 51. № 3. URL: <http://www.chem.msu.ru/rus/jvho/2007-3/108.pdf> (дата обращения: 09.04.2015).
2. Асмолов А.Г. Грядущий хам стал хамом нынешним // Colta.ru. Всё о культуре и духе времени. 2014а. URL: <http://www.colta.ru/articles/society/4588> (дата обращения: 08.07.2015).
3. Асмолов А.Г. Нашествие варваров // Новая газета. 2014б. № 50. URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/63508.html> (дата обращения: 08.07.2015).
4. Асмолов А.Г. Оптика просвещения: социокультурная перспектива. М.: Просвещение, 2012.
5. Асмолов А.Г. Психологическая депортация России // Новая газета. 2014в. № 84. URL: <http://www.novayagazeta.ru/comments/64656.html> (дата обращения: 08.07.2015).
6. Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия. 2015. URL: http://politosophy.ru/dialog_aleksandr_asmolov_gennadij_burbulis/psihologiya_sovremennosti/ (дата обращения: 09.04.2015).
7. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука, 1989.
8. Богданчиков С.А. Открывая Г.И. Челпанова. Научная монография. М.: Директ-Медиа, 2013.
9. Быков Д. Дикость нескончаемых деяньостых и массовый гипноз России // Собеседник. 2014. URL: <http://sobesednik.ru/dmitriy-bykov/20141113-dmitriy-bykov-dikost-neskonchaemyh-devyanostyh-i-massovuuy-gi> (дата обращения: 24.02.2015).
10. Вульф К. Антропология воспитания. М.: Праксис, 2012.
11. Гольдфельд М.Г. Исход науки из России: есть ли свет в конце туннеля? // Химия и жизнь. 2007. № 9; № 10. URL: <http://elementy.ru/lib/430513> (дата обращения: 19.04.2015).
12. Гудков Л.Д. Abortивная модернизация. М.: РОССПЭН, 2011.
13. Гулыга А.В. Гердер. М.: Мысль, 1975.
14. Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход к социализации личности в транзитивном обществе // Психологія особистості: Науковий теоретико-методологічний і прикладний психологічний журнал. 2013а. № 1 (4). С. 20–38. URL: http://ps.pu.if.ua/2013_4/2Gus.pdf (дата обращения: 19.04.2015).
15. Гусельцева М.С. Эволюция психологического знания в смене типов рациональности. М.: Акрополь, 2013б.
16. Гусельцева М.С. Образы достойного будущего как фактор позитивной социализации // Образовательная политика. 2015. № 1 (67). С. 64–79.
17. Дубин Б. Россияне назвали выдающихся людей всех времен и народов // Полит.ру. 2008. URL: <http://polit.ru/article/2008/09/02/imyarossii/> (дата обращения: 24.02.2015).
18. Зубаревич Н.В. Загадка многомерной территории // Эксперт. 2006. URL: <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka%202004/region/> (дата обращения: 13.04.2014).
19. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010.
20. Зубаревич Н.В. Эволюция взаимоотношений центра и регионов России: от конфликтов к поиску согласия. М.: Комплекс-Прогресс, 1997.
21. Иванов В.В. «Если они испугаются, то начнут делать необратимые вещи...» // The New Times. 14 мая 2012. № 16 (244). URL: <http://newtimes.ru/articles/detail/51731> (дата обращения: 31.10.2012).
22. Иноземцев В. Секрет путинского консенсуса // Сноб. 2015. URL: <http://snob.ru/selected/entry/87745> (дата обращения: 22.02.2015).

23. История Шотландии (окончание) // Новостной бриз с берегов Атлантики / Информационный портал о самой западной Европе. URL: http://adelanta.info/encyclopaedia/politics/scotland_history/scotland_3/ (дата обращения: 08.07.2015).
24. Калинин И. Культурная политика как инструмент демодернизации // Полит.ру. 2015. URL: http://polit.ru/article/2015/02/15/cultural_policy/ (дата обращения: 22.02.2015).
25. Калинин И. Прошлое как ограниченный ресурс: историческая политика и экономика ренты // Полит.ру. 2013. URL: <http://polit.ru/article/2013/05/11/past/> (дата обращения: 24.02.2015).
26. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 25–36.
27. Князева Е.Н. Эдгар Морен в поисках метода познания сложного // Морен Э. Метод. Природа природы. М.: Прогресс-традиция, 2005. С. 5–26.
28. Кобрин К. О катастрофе, которая парализовала Россию // Colta.ru. 2015. URL: <http://www.colta.ru/articles/society/6818> (дата обращения: 20.04.2015).
29. Кончаловский А. Тридцатилетних мы уже потеряли // Сноб. 2014. URL: <http://snob.ru/selected/entry/77906> (дата обращения: 20.02.2015).
30. Кордонский С.Г., Дехант Д.К., Мольяренко О.А. Сословные компоненты социальной структуры России: гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования // Мир России. 2012. № 2. С. 62–102.
31. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002.
32. Мандевилль Б. Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества. 2000. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/mandevil_basnja/ (дата обращения: 31.10.2012).
33. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Университетская книга, 2012.
34. Минаков М. Постсоветская демодернизация: период нового околдования? // Неприкосновенный запас. 2014. № 6. <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz6-2014/26019-postsovetskaya-demodernizaciya-period-novogo-okoldovaniya.html> (дата обращения: 11.04.2015).
35. Монганер К.А. Культура и поведение элит в Латинской Америке // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 94–105.
36. Морен Э. Метод. Природа природы. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
37. Морен Э. Размышления о познании // Вестник Европы. 2012. № 33. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2012/33/m30-pr.html> (дата обращения: 28.07.2015).
38. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России как форма развития цивилизации // Социологический журнал. 1996. № 3/4. С. 5–28.
39. Парфёнов Л. Говорить про советское – говорить про себя // The New Times. 2015. № 5. URL: <http://www.newtimes.ru/archive/> (дата обращения: 28.02.2015).
40. Пастухов В.Б. Темный век. Посткоммунизм как «черная дыра» русской истории // Политические исследования. 2007. № 3. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2007/3/3.htm> (дата обращения: 31.10.2012).
41. Прохорова И.Д. Кто при слове «культура» хватается за пистолет? Культурная политика в современной России // Стенограмма встречи из цикла «Важнее, чем политика». 2012. URL: http://www.hse.ru/data/2012/04/13/1251540268/Proxorova_kulturnaya_politika_v_Rossii_20032012.pdf (дата обращения: 20.02.2014).
42. Прохорова И.Д. Светское общество и традиционалистское сознание. Научная лекция // Сноб. 2014. URL: <http://snob.ru/selected/entry/84749> (дата обращения: 09.04.2015).
43. Рассел Б. Автобиография // Иностранная литература. 2000. № 12. С. 97–240.
44. Роменец В.А. Жизнь и смерть в научном и религиозном истолковании. Киев: Здоровье, 1989.
45. Рубинштейн М.М. О смысле жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу: В 2 т. Т. II. М.: Территория будущего, 2008.
46. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов // СоцИс. 2013. № 4.

- С. 24–34. URL: <http://ryazantsev.org/book2-13.pdf> (дата обращения: 09.04.2015).
47. Соколова К. Андрей Звягинцев: Сильнейшая реакция ненависти к «Левиафану» – просто нежелание смотреть в зеркало // Сноб. 2015. URL: <http://snob.ru/selected/entry/87969/page/2> (дата обращения: 22.02.2015).
48. Соломеин А.Ю. Французская национальная гуманитарная традиция: специфика и генезис // Credo New. 2003. № 3. URL: <http://credonew.ru/content/view/361/55/> (дата обращения: 08.08.2013).
49. Уваров П. История, историки и историческая память во Франции // Отечественные записки. 2004. № 5 (19). URL: <http://old.strana-oz.ru/?numid=20&article=949> (дата обращения: 22.02.2015).
50. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: В 3 ч. Ч. 2. М.: Праксис, 2005.
51. Фурман Д.Е. Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М.: Весь мир, 2010.
52. Фурман Д.Е. Россия между Западом и Востоком. Мосты в будущее. Политическая система современной России. М.: Международные отношения, 2003.
53. Черныш М.Ф. О модернизации в России и Китае // СоцИс. 2013. № 4. С. 143–150.
54. Шляпентох В.Э. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-Принт, 2008.
55. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // СоцИс. 2001а. № 2. С. 3–12.
56. Штомпка П. Социальное изменение как травма // СоцИс. 2001б. № 1. С. 6–16.
57. Эпштейн М.Н. От совка к бобку. Политика на грани гротеска. USA: Franc-Tireur, 2014.
58. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: УРСС, 1997.
59. Юревич А.В. Психологическое состояние современного российского общества: новые оценки // Вопросы психологии. 2015. № 2. С. 32–44.
60. Ясницкий А., Завершнева Е. Об архетипе советской психологии как научной дисциплины и социальной практики // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ai26-pr.html> (дата обращения: 20.04.2015).